

МИКОЛА ГОГОЛЬ І РОМАНТИЗМ

Наталья ИВАНОВА

СЕМАНТИКА ОБРАЗА РУСАЛКИ В ТВОРЧЕСТВЕ РОМАНТИКОВ: ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЮЖЕТНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

У статті розглядаються питання фольклорних паралелей до образу русалки у романтичних творах М. Гоголя, Т. Шевченка, О. Сомова.

Ключові слова: романтизм, «русальний» мотив, фольклор, фольклорний образ.

Являясь основным компонентом народной культуры и хранителем народной мудрости, мировоззрения и идеалов предшествующих поколений, фольклор сохранил многочисленные архаические символы, образы и мотивы, которые наследовались литературой различных эпох.

Повышенный интерес к фольклорным художественным корням наблюдается в творчестве романтиков. Мифологическая и фольклорная атрибутика прослеживается в ранних повестях Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»), поэме А. С. Пушкина «Русалка», повести «Русалка» и рассказе «Купалов вечер» О. Сомова, в поэмах Т. Г. Шевченко «Причинна», «Утопленная», «Русалка». Данные произведения в разной мере и степени погружения связаны с актуализацией фольклорного подтекста, использованием и интерпретацией комплекса фольклорных мотивов и фольклорной образности.

Особое место в романтическом творчестве занимает образ русалки, относящийся к фольклорной демонологии, наряду с образами леших, кикимор, домовых. Усиленный интерес к русалке исследовательница русского фольклора, Э.В. Померанцева, связывает с опасностью этой нечисти, «...которая своей красотой и обаянием легко может завлечь, заморозить, а затем погубить человека». Исследователь считает, что ни в одном другом демоническом существе нет такого трагического сочетания красоты и коварства. Именно в рассказах о русалках подчеркивается призрачность существа потустороннего, опасного и вместе с тем манящего мира. Она завлекает жертвы ради забавы или в силу увлечения. Она внушает не только страх, но и любовь. Она пугает не своим безобразием, а своей связью с потусторонним миром, своим коварством, обольстительностью, греховностью» [1, 81].

В данной статье предлагается рассмотреть принципы интерпретации фольклорного образа русалки в произведениях русских и украинских романтиков, установить особенности мифопоэтического приема в контексте романтической традиции (речь идет, прежде всего, о сюжетах Гоголя, Сомова, Шевченко, включающих общий фольклорный «русальский» мотив). В связи с этим предполагается комплексный взгляд на взаимосвязь и взаимодействие фольклорного и литературного образа и

мотива, сопоставительного подхода в оценке как фольклорно-литературной, так и внутриромантической поэтической ситуации. Как следствие, анализ «русального» мотива может быть использован при определении возможных фольклорно-литературных сюжетных параллелей, установлении прототипов литературных образов.

В частности, эту проблему затрагивает Л.А. Ходанен, рассматривая «русальный» мотив в русских романтических повестях. Исследовательница считает, что бытование этого мотива, восходящего к славянскому фольклору, закрепилось в русских быличках и бывальщинах, и образует целые тематические циклы. Поскольку жанровая поэтика этих фольклорных форм во многом определяется особенностями повествования (она близка к сказке), то традиции форм выявляются в связи с использованием категорий морфологического анализа волшебной сказки [2, 17 – 18; 3]. Применяя эту методику, попытаемся установить некоторые семантические черты образа русалки и их влияние на формирование романтического фольклоризованного сюжета.

Одним из «сказочных» мотивов, влияющих на становление художественного сюжета, является архаичный мотив мифологического превращения, который влечет за собой качественно новую семантику образа. Известно, что русалками в славянской мифологии называются существа, как правило, вредоносные, в которых превращаются умершие девушки, некрещеные дети. Русалки представляются в виде красивых девушек с длинными распущенными зелеными волосами. Согласно некоторым верованиям, пальцы на ногах у русалок соединены перепонками, как у гусей, в этом можно убедиться по их следам [4, 390; 5, 449].

Существующие представления о происхождении духов стихий, к которым относятся леший, водяной, русалки, практически совпадают у всех восточных славян. Чаще всего в рассказах говорится о том, что лешие и русалки – это проклятые люди или заложенные покойники; также существуют представления, что это проклятые богом, некрещеные или низвергнутые богом с небес ангелы [1, 32-33].

Соответствует народным представлениям образ русалки в рассказе О. Сомова «Русалка». Главная героиня повествования, Горпинка, будучи не замужем связывает свою судьбу с «польским паном», нарушая тем самым моральный запрет. Эта связь отягчается чужим вероисповеданием Каземира Чепки, что уже предполагает связь его с нечистой силой: «Кто знает, что на душе у иноверца, у католика..? А и того еще хуже <...> если в виде польского пана являлся тебе злой искуситель. Ты знаешь, что у нас в Киеве, за грехи наши, много и колдунов и ведьм» [6, 117]. Тенденция связи всего иностранного с дьявольским просматривается и в творчестве Н. В. Гоголя (например, на этот мотив указывает Г. Грабович [7, 89]).

Выходит, уже греховная связь Горпинки с мужчиной-иноверцем, соотносящегося с дьявольским началом, с точки зрения автора, предполагает наказания.

Совершив самый страшный грех – самоубийство, девушка, казалось бы, находит успокоение на лоне природы, где нет «ни голода, ни холода, никаких нужд», где «весело», «легко», где «все молодеют и становятся также резвы, как струйки водяные, так же игривы и беззаботны, как молодые рыбки» [6, 121]. Но это не лишает Горпинку желаний отомстить предателю, хотя автор открыто об этом не говорит. Однако мы узнаем, что «на другой день после того, как русалка убежала от своей матери, нашли в лесу мертвое тело. Это был поляк в охотничьем платье, и единоземцы узнали в нем Каземира Чепку, ловкого молодого человека, бывшего душою всех веселых обществ <...> никакой раны, никакого знака насильственной смерти не заметно было на теле; но лицо было сине, и все жилы в страшном напряжении. <...> Врачи толковали то и другое; но народ объяснял дело гораздо проще: он говорил, что *покойника русалки защекотали*» [6, 123].

Таким образом, превращение в русалку в данном примере, по словам А.Х. Гольденберга, оказывается следствием наказания за нарушение определенных запретов, что восходит к комплексу мифологических представлений, связанных с системой табу [8, 57]. В рамках романтического сюжета эти представления трансформируются в морально-христианском аспекте. У Сомова, например, отчетливо определяются мотивы, во-первых, связи незамужней девушки с мужчиной; во-вторых, мотивы совершения самого большого греха – самоубийства; в-третьих, наблюдается мотив мести, которая распространяется не только на обидчика, но и в целом на человечество. Как следствие, наличие исключительного демонического начала, которым обладает русалка, и которое проявляется в желании «защекотать», «затащить в воду», «утопить» и т. д.

В «Причинной» Т. Шевченко в русалку превращается девушка, измученная одиночеством, не имея семьи («ні батька, ні неньки: / одна, як та пташка / в далекім краю»), а также терзаемая мыслью о том, «Де милий ночує: / чи в темному гаю, / Чи в бистрім Дунаю коня напува, / Чи, може, з другою, / другу кохає» [9, 6-8]). Итогом ее страданий является физическая смерть от рук русалок, смерть, изначально тождественная духовной потере себя.

Эта тема продолжает развиваться и в поэме Т. Шевченко «Русалка», где ненужной оказывается утопленная матерью дочь («Породила мене мати / В високих палатах. / Та й понесла серед ночі / У Дніпрі скупати... / Пливи, пливи, моя доню, / Дніпром за водою. / Та впливи русалкою / Завтра серед ночі» [9, 287]). В данном случае мать осознанно лишает

жизни своего некрещеного ребенка, обрекая его стать частью потустороннего мира. В этой ситуации на первое место выдвигаются уже не столько мифологические мотивы превращений, сколько психологический конфликт: мать, убившая родное дитя, вспоминающая о своем поступке с равнодушием («згадала, як купала і як примовляла. / Та байдуже. / Пішла собі у палати спати»), достойна сурового наказания. У Шевченко романтический «русальный» мотив обуславливает разработку сюжета и вызывает аллюзии с некоторыми фольклорными источниками, где наблюдается мотив родового распространения греха (укажем для сравнения вариант сюжета «Страшной мести» Гоголя).

Фольклорной основой повести Н. Гоголя «Майская ночь, или утопленница» является сюжет о несчастной, отверженной девушке, доведенной до самоубийства, когда-то восходивший к языческому культу водяных и лесных духов. Как отмечает Л.А. Ходанен, в повести Гоголя с «русальным» мотивом соединен «ведьминский» мотив, усложненный отзвуком образа злой мачехи, преследующей падчерицу. Организует сюжет сказочное «распознавание» персонажа, принявшего чужой облик. «Русалочный» мотив реализован не полностью, поскольку месть мачехе не состоялась [2, 17]. Утопленница, будучи «страдательным» образом (термин Ю. Манна) [10, 78], вынуждена обратиться за помощью к человеку, что несколько не соответствует народным представлениям, поскольку русалки, как правило, не вступают в договор с человеком, являясь, по большому счету, существами вредоносными [1, 89]. Вероятно, Гоголь пытается преобразовать традиционные фольклорные представления о русалке, как о злом начале: русалка помогает Левку добиться от своего отца разрешения на женитьбу. Переосмыслен облик русалки, выступающей также в роли «просителя» о помощи и «дарителя» как единственного доброго демонического персонажа у Гоголя [10, 78]. Однако ее принадлежность к потустороннему миру, а также грех самоубийства, совершенный ею, не позволяют говорить о ней как о добром начале, особенно в контексте народной, в частности, христианской традиции.

Подводя итоги, следует отметить, что в романтической литературе образ русалки остался в рамках фольклорного поэтического образа, когда наблюдается некая стандартная, однотипная его интерпретация. Возможно, писателей привлекало сочетание в этом несколько неоднозначном образе народной демонологии таинственности и красоты, поэтичности и трагизма, любви и смерти [1, 87]. Переосмысление и творческое истолкование этого мифологического персонажа поэтами-романтиками создало почву для появления новаторской символики, расширило эстетические и выразительные возможности образа. Соответственно общность мифологических представлений славян о русалках стала связующим звеном, первоосновой мифотворчества русских и украинских романтиков.

Таким образом, обращение к романтическим сюжетам, анализ их демонологических мотивов, позволяет говорить о возможности восстановления некоторых мифологических представлений славян, сохранившихся фрагментарно в системе фольклорно-литературных связей. Произведения Гоголя, Сомова, Шевченко можно расценивать как соотносящиеся с системой славянских мифологических представлений на уровне демонологических мотивов.

Литература

1. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 192 с.
2. Ходанен Л. А. «Русалочный» мотив в романтических повестях О.М. Сомова и Н.В. Гоголя // Творчество Н.В. Гоголя и современность. Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции. – Нежин, 1989. – С. 17 – 18.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – 365 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 390.
5. Войтович В. М. Українська міфологія. – К.: Либідь, 2005. – 664 с.
6. Сомов О. Купалов вечер: Избранные произведения. – К.: Дніпро, 1991. – 558 с.
7. Грабович Г. Гоголь і міф України // Сучасність. – 1994. – № 9. – С. 77 – 93.
8. Гольденберг А. Х. Фольклорные превращения в поэтике Гоголя // Русская литература и фольклорная традиция. Сборник научных трудов. – Волгоград, 1983. – С. 53 – 63.
9. Шевченко Т. Кобзар. – Київ: Радянська школа, 1983. – 608 с.
10. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. – М.: Худ. лит., 1988. – 413 с.

Наталья Иванова

СЕМАНТИКА ОБРАЗА РУСАЛКИ В ТВОРЧЕСТВЕ РОМАНТИКОВ: ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЮЖЕТНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье рассматриваются некоторые фольклорные параллели образа русалки в романтических произведениях Н. Гоголя, Т. Шевченко, О. Сомова.

Ключевые слова: романтизм, «русальный» мотив, фольклор, фольклорный образ.

Natalia Ivanova

SEMANTICS OF MERMAID IMAGE IN THE WORKS OF ROMANTICISTS: PARALLELS IN FOLKLORE AND LITERARY PLOTS

The article deals with some folklore parallels of mermaid image in the romantic works by N.Gogol, T.Shevchenko, O.Somova.

Key words: Romanticism, mermaid motif, folklore, folklore image.